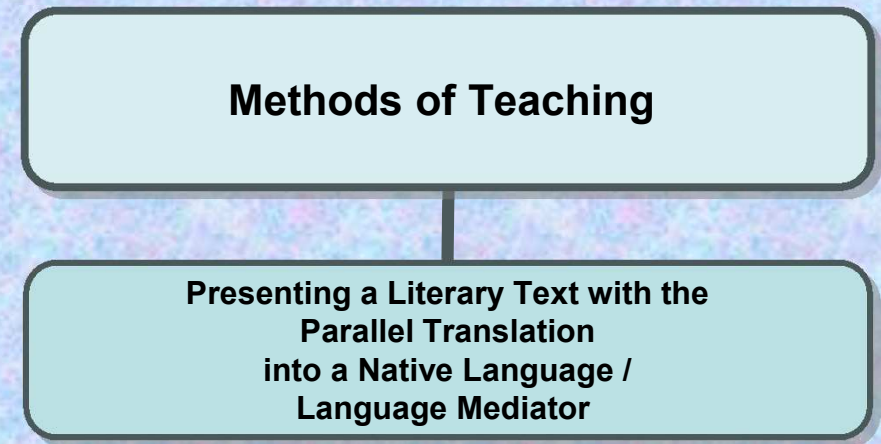
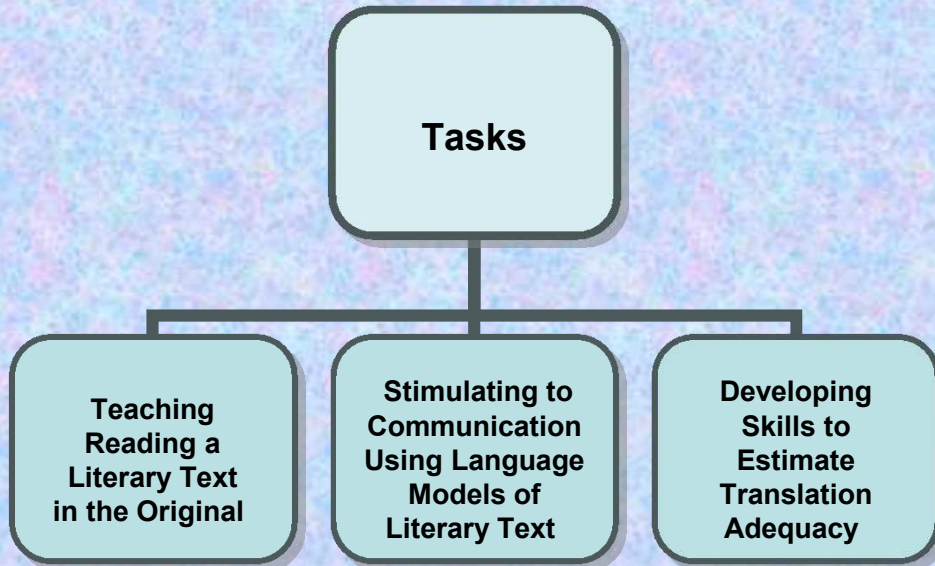
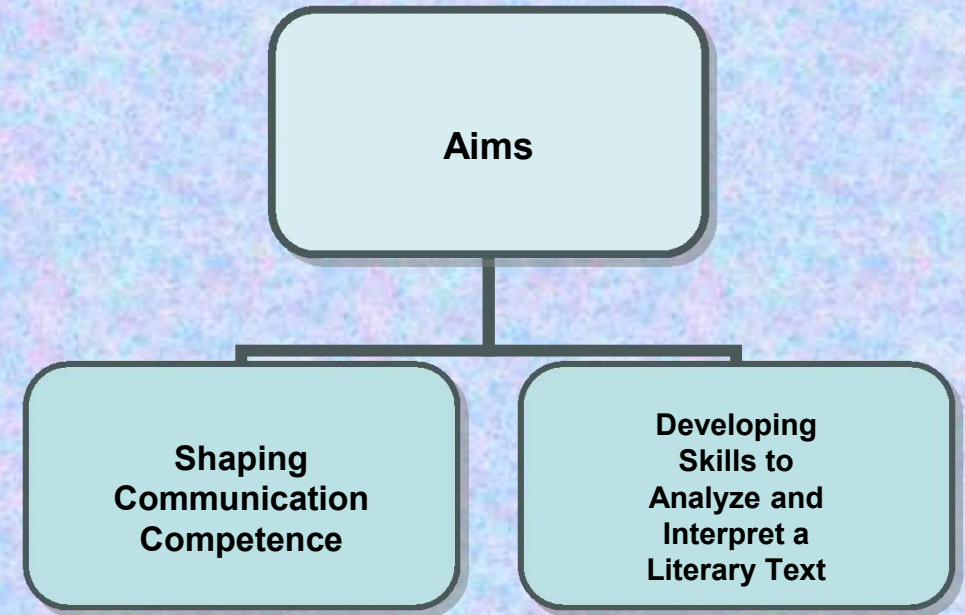
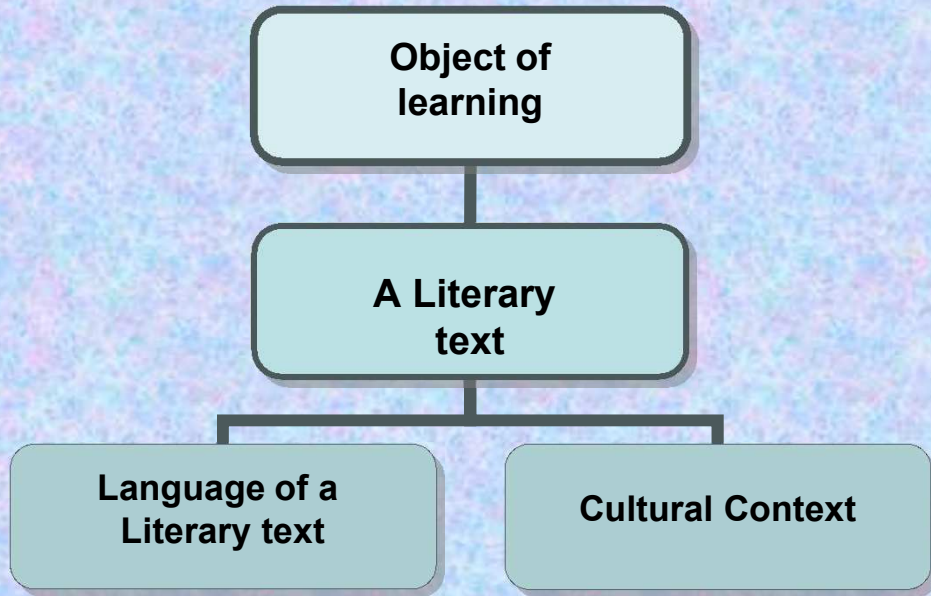


Fiction as a means of teaching foreign languages



что-то белёвшееся. Иван Яковлевич ковырнул осторожно ножом и пощупал пальцем: «Плотное!» сказал он сам про себя: «что бы это такое было?»

Он засунул пальцы и вытащил — нос!.. Иван Яковлевич и руки опустил,³ стал протирать глаза и щупать: нос, точно нос! и ещё, казалось, как будто чей-то знакомый. Ужас изобразился в лице Ивана Яковлевича. Но этот ужас был ничто против негодования, которое овладело его супругою.

«Где это ты, зверь, отрезал нос?» закричала она с гневом. «Мошеник! пьяница! Я сама на тебя донесу полиции. Разбойник какой! Вот уж я от трёх человек слышала, что ты во время бритья так терёбишь за носы, что еле держатся».

Но Иван Яковлевич был ни жив, ни мёртв. Он узнал, что этот нос был не чей другой, как коллежского ассессора⁴ Ковалёва, которого он брил каждую среду⁵ и воскресенье.

«Стой, Прасковья Осиповна! Я положу его, завернувши в тряпку, в уголок: пусть там малёнько полежит; а после его вынесу».

«И слушать не хочу! Чтобы я позволила у себя в комнате лежать отрезанному носу?.. Сухарь поджаристый!⁶ Знай умеет только бритвой возить по ремню, а долга своего скоро совсем не в состоянии будет исполнять, потаскушка, негодяй! Чтобы я стала за тебя отвечать полиции?.. Ах ты, пачкун, бревно глупое! Вон его! вон! неси куда хочешь! чтобы я духу его не слышала!»

Иван Яковлевич стоял совершенно как убитый. Он думал, думал — и не знал, что подумать. «Чёрт его знает, как это случилось», сказал он наконец, почесав рукою за ухом. «Пьян ли я вчера возвратился, или нет, уж наверное сказать не могу. А по всем приметам должно быть происшествие несбыточное: ибо хлеб — дело печёное, а нос совсем не то. Ничего не разберу!..» Иван Яковлевич замолчал. Мысль о том, что полицейские отыщут у него нос и обвинят его, привела его в совершенное беспя-

poked it carefully with the knife and felt it with his finger. “Solid!” he said to himself. “What could it be?”

He stuck in his finger and extracted—a nose! Ivan Yakovlevich was dumbfounded. He rubbed his eyes and felt the object: a nose, a nose indeed, and a familiar one at that. Ivan Yakovlevich’s face expressed horror. But this horror was nothing compared to the indignation which seized his spouse.

“You beast, where did you cut off a nose?” she shouted angrily. “Scoundrel! drunkard! I’ll report you to the police myself. What a ruffian! I have already heard from three people that you jerk their noses about so much when shaving that it’s a wonder they stay in place.”

But Ivan Yakovlevich was more dead than alive. He recognized the nose as that of none other than Collegiate Assessor Kovalyov, whom he shaved every Wednesday and Sunday.

“Hold on, Praskovya Osipovna! I shall put it in a corner, after I’ve wrapped it in a rag: let it lie there for a while, and later I’ll take it away.”

“I won’t even hear of it. That I should allow a cut-off nose to lie about in my room? You dry stick! All he knows is how to strop his razor, but soon he’ll be in no condition to carry out his duty, the rake, the villain! Am I to answer for you to the police? You piece of filth, you blockhead! Away with it! Away! Take it anywhere you like! Out of my sight with it!”

Ivan Yakovlevich stood there as though bereft of senses. He thought and thought—and really did not know what to think. “The devil knows how it happened,” he said at last, scratching behind his ear with his hand. “Was I drunk or wasn’t I when I came home yesterday, I really can’t say. Whichever way you look at it, this is an impossible occurrence. After all, bread is something baked, and a nose is something altogether different. I can’t make it out at all.”

Ivan Yakovlevich fell silent. The idea that the police might find the nose in his possession and bring a charge against him drove him into a complete frenzy. He was al-

3. руки опустил. Literally, “dropped his hands,” that is, “lost his heart.” A symbolic gesture of despair (cp. note 38 to Pushkin).

А молясь, не говорите лишнего, как язычники: ибо они думают, что в многословии своём будут услышаны. Не уподобляйтесь им: ибо знает Отец ваш, в чём вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него.

(Матф. VI. 7, 8).

Шлыл на корабле архиерей¹ из Архангельска-города в Соловецкие.² На том же корабле плыли богомольцы к угодникам.³ Ветер был попутный, погода ясная, не качало.⁴ Богомольцы — которые лежали, которые закусывали, которые сидели кучками — беседовали друг с дружкой. Вышел и архиерей на палубу, стал ходить взад и вперёд по мосту. Подошёл архиерей к носу, видит, собралась кучка народу. Мужичок показывает что-то рукой в море и говорит, а народ слушает. Остановился архиерей, посмотрел, куда показывал мужичок: ничего не видно, только море на солнце блестит. Подошёл поближе архиерей, стал прислушиваться. Увидал архиерея мужичок, снял шапку и замолчал. Увидал и народ архиерея, тоже сняли шапки, почтенье сделали.

— Не стесняйтесь, братцы, — сказал архиерей. — Я тоже послушать подошёл, что ты, добрый человек, рассказываешь.

— Да вот про старцев⁵ нам рыбачок рассказывал, — сказал один купец посмелее.

— Что про старцев? — спросил архиерей, подошёл к борту и присел на ящик. — Расскажи и мне, я слушаю. Что ты показывал?

But when ye pray, use not vain repetitions, as the heathen do: for they think that they shall be heard for their much speaking. Be not ye therefore like unto them: for your Father knoweth what things ye have need of, before ye ask Him.

Matt. vi. 7, 8.

A Bishop was sailing from the city of Arkhangelsk to the Solovetsky Islands. On the same vessel there were pilgrims sailing to visit the holy shrines. The wind was favorable, the weather fair, the sea smooth. The pilgrims — some were lying down, some having a bite to eat, some sitting in groups — were talking to each other. The Bishop, too, came out on deck, began to pace the bridge. He approached the bow, saw a group of people gathered together. A peasant was pointing out something in the sea and speaking, and the people were listening. The Bishop stopped, looked where the peasant was pointing: there was nothing to be seen, only the sea gleaming in the sun. The Bishop came closer, began to listen. The peasant saw the Bishop, took off his cap and fell silent. The people also saw the Bishop, also took off their caps, paid their respects.

“Don’t mind me, friends,” said the Bishop. “I have also come to hear what you, good man, are telling them.”

“This fisherman was telling us about the hermits,” said one merchant who was bolder than the others.

“What about the hermits?” asked the Bishop, came up to the rail and sat down on a box. “Tell me, too, I’ll listen. What were you pointing at?”

5. старцы. Literally, “elders”; often used of monks living in a hermitage.